

«Старые помнят себя молодыми, а молодые не представляют себе старыми. Так и течет жизнь, словно между двумя берегами, вперед, вперед: от новой молодости — к новой старости и опять — к вечной молодости». Так с первых слов повести Вацлава Михальского «Катенька» определяются границы происходящего: «современность — вечность». В этих же строках определяется особенность композиции произведения: от старости главного героя к молодости, затем опять к старости, и снова к молодости — но уже нового поколения. Временные рамки расширяются и с помощью художественных деталей: каменная лестница, которую, как утверждали старожилы, построили по приказу Петра I, вековые вязы в городском саду, заложенном императрицей Елизаветой Петровной...

Контрастирует с этим «вечным» фоном беспмятность молодых, для которых нет исторического контекста жизни: и сад, и каменная лестница — «просто место свидания». Однако чувства главных героев Вацлав Михальский изображает с позиции вечности, что делает всегда любой большой художник. Так о молчании влюбленных сказано: «Древнее и красноречивое, как сама земля, как небо и солнце, как воздух и дождь». Символично, что и в речи юноши Григория возникает слово «вечность»: «Я уезжаю на вечность».

Мостом между современностью и вечностью в повести «Катенька» является прежде всего любовь. Даром любви обладают многие герои произведения. Уже то, как Михальский изображает это чувство в повести и в своем творчестве вообще, позволяет говорить о нем как о мастере с большой буквы, как о писателе первого ряда русской литературы XX века.

С тех пор как я прочитала повесть Вацлава Михальского, меня не покидает ощущение присутствия чего-то светлого, доброго. Катенька — не просто образ, это живая, трепещущая, пульсирующая реальность. Мне кажется, я видела Катеньку, знала ее. И оттого, что есть на свете такие люди-ангелы, словно совмещающие в себе два начала — земное и небесное, становится хорошо на душе. В самые грустные минуты неожиданно приходит воспоминание о ней, будто слышится ее звонкий голосочек, тараторящий что-то простое, но главное, будто видится ее порывистая, порхающая, как мотылек, тоненькая фигурка, и я не могу сдержать улыбку. Нет, Вацлав Михальский не создал

ее, а увидел, разглядел это чудо в людской суеде и показал нам, часто слепым: «Смотрите. Они среди нас. Совсем рядом. Так близко...».

В повести главное на первый взгляд незаметно и неважно. За собственными переживаниями, событиями мы часто не видим сути, сосредотачиваясь на ярком, броском, забывая о вечных ценностях, живем одномоментными страстями. Так было и будет. Не случайно лучшие с точки зрения духовной и душевной глубины и совершенства героини русской литературы в большинстве своем — второстепенные, «тихие» персонажи: терпеливые, сильные, стойкие. Скажу кратко о некоторых из них.

По определению святого Дионисия Ареопагита, «любовь — это соединяющая и скрепляющая сила, подвигающая высших существ к промышленности о низших, равных же, напротив, к общению между собою, и наконец, обращающая младших к старшим и вышестоящим» (Св. Дионисий Ареопагит. О Божественных именах. О мистическом богословии. СПб., 1994). Именно «соединяющей и скрепляющей силой» является в семье Мелеховых Ильинична (М. Шолохов «Тихий Дон»). О женщинах, подобных ей, В. Розанов писал: «Именно женщины несут факел веры впереди всех, заботливее всех, пламеннее всех» (Розанов В. В. Черный огонь. 1917 год. В кн.: В. Розанов. Мимолетное. М., 1994). Душа героини переполнена болью за каждого члена семьи. Она беспокоится даже за Дарью, которая является ее духовно-нравственным антиподом. Материнская доброта, христианская любовь Ильиничны не имеет границ: женщина способна простить даже убийцу собственного сына. Несмотря на все перенесенные в жизни страдания, на все несчастья, которые обрушила на голову Ильиничны война, в ней нет ни капли ненависти, героиня никому не желает отомстить.

Искреннее восхищение вызывает мягкая и тихая Анна Владимировна Карпова в романе П. Краснова «От Двуглавого Орла к красному знамени», которая всю себя посвятила мужу и сыну, наполняя их жизнь «неземной» любовью и уютом. Смело и уверенно идет Анна Владимировна по жизни. Без ропота, с молитвой на устах, принимает эта женщина все невзгоды. Ни капли сомнения не допускает она в свою душу и никогда не усомнится в выбранном ею пути. «Да будет воля Твоя! — повторяла она и знала, что, если будет на то воля

Господи, без стона, без ропота, без слов упрека она отдаст его войне, останется одна со своими тяжелыми думами, исполнит тихо и кротко свой долг жены офицера!..»

В ряду этих образов стоит и милая Катенька. Появляется она незаметно, как ангел-хранитель, как спутник страждущего, страдающего, нуждающегося в ее любви и утешении. Не сразу разглядел Катеньку Гриша Марков. Позднее в какой-то момент он даже забывает о ее присутствии, она же помнит обо всех каждую минуту.

Вышеназванные героини русской литературы раскрываются прежде всего и наиболее полно через любовь к мужу и детям. Юной Катеньке не суждено испытать этого счастья. Но ее любовь — чувство не менее сильное, вездесущее, выходящее далеко за пределы семьи. Ее любовь — не столько соединяющая, сколько целительная, жалеющая. И в этом смысле Катенька как соборный тип личности — новое явление в русской литературе второй половины XX века. Впервые данный тип представлен не женщиной-матерью, а ребенком.

В портретных характеристиках Кати нет конкретных деталей: формы и цвета глаз, овала лица и т. п. Она вся тоненькая и неуклюжая, быстрая, стремительная. Так и кажется, что сейчас ее ножки оторвутся от земли и девочка полетит. Это впечатление подтверждается конкретными фактами: догнала поезд; расстояние от госпиталя до дома и обратно, равное по расчетам Гриши двум часам, Катенька преодолевает за час.

В то же время образ девочки реалистичен, почти осязаем и складывается из описания состояний, характерных для ребенка: «выпала Катенька одним духом и запрыгала», «вспыхнув румянцем», «у Катеньки смеялись глаза, и губы, и ямочки на щеках, и даже веселые завитушки темно-золотых волос», «искоса, из-под пушистых ресниц, с любопытством разглядывала Гришу», «я со всеми дружна и мне всегда весело», «с азартом хозяйничала», «взметнув косами, помчалась», «сияющая, раскрасневшаяся, ворвалась». Катенька все время сетует, что ее не воспринимают всерьез, а ей так хочется общаться со взрослыми на равных.

Восторженно-детское чистое отношение героини к жизни и к людям, так тонко, художественно совершенно переданное писателем, получает развитие в ее взаимоотношениях с окружающими. И здесь Катенька предстает уже не ребенком, а «щедрой маленькой женщиной», готовой на все, чтобы облегчить страдания людей.

Уже шестиклассница Катенька отличается тонким чувствованием движений души человека. Прыгая на скакалке и увлеченно рассказывая о своих детских хлопотах Грише, она безошибочно определяет: «Ах, вам не до меня». И здесь не обида, а именно — понимание. Девочка не просто видит озабоченность Григория, но знает ее причины. Чуткость к чужим переживаниям — редкое качество для многих взрослых.

У Катеньки взгляд ангела: она «смотрела <...> такими глазами, которые нельзя было обмануть». Девушка смотрит в самую душу, видит самую суть. Самые верные, точные характеристики, оценки людей и их поступков звучат из уст Катеньки. Ее видение человека и мира вырастает из мудрости матери, на которую она постоянно ссылается («Мама говорит...»). Опыт матери намного шире одной — собственной — жизни. Определяющее в личности Марии Петровны — православность, религиозность. Но Дарочка

и Митя Малый писказываются от родительской мудрости.

Иван Ильин отметил о том, что в жизни человека существует опыт внешний и опыт внутренний. При воспитании детей одно из самых трудных — открыть доступ к опыту внутреннему, духовному. Только сквозь призму этого духовного опыта человек может постигнуть смысл бытия, отличить истинное от ложного, главное от сиюминутного, плохое от хорошего... Отказываясь же от этого духовного опыта, человек «как бы сам залепляет себе духовные очи и предается слепоте и пошлости. От всех вещей он видит только внешнюю видимость и довольствуется тем, что превращает ее в пустую, абстрактную схему. Глубина и тайна жизни уходят от него — и во внешнем мире, и в его собственной душе. Он блуждает по распутиям до тех пор, пока не ударится головой о гранитную стену тех духовных законов, которые он отверг, или пока не сокрушится в пропасти тех духовных запретов, над которыми он доселе издевался» (Ильин И. Путь духовного обновления. О вере. В кн.: И. Ильин. Собр. соч.: В 10-ти т. Т. 1. М., 1996. С. 68 — 69). Одним из наглядных проявлений такой слепоты в повести является «сотворение кумира» Дарочкой и Митей из посредственного, трусливого, лживого Евгения Евгеньевича.

Желание помогать людям — смысл жизни Катеньки. Она часто заходила к Григорию в госпиталь, не понимая, что «гонит ее туда безответное стремление, надежда — вдруг она сможет облегчить чьи-то страдания». Героиня счастлива, отдавая всю себя без остатка. «В повести Михальского “Катенька” самая высокая любовь — это матерински-сестринская, сострадательная, христианская любовь. Ее очень живым, прекрасным воплощением является 15-летняя Катенька», — справедливо утверждает Юрий Павлов (Павлов Ю. «Незамеченный» классик // День литературы. 2013. № 7 // http://denlit.at.ua/publ/7_201_2013/jurij_pavlov_nezamechennyj_klassik/21-1-0-333).

Сила любви к людям так велика, что девочку слушают и Гриша, и «толстый шеф-повар», которого боялись врачи и больные... Всех она целует или нежно, ласково гладит по голове, по щеке. И от ее прикосновений тают самые ожесточенные сердца. А обреченный больной Сережа даже сравнивает ее со своей матерью — высшая похвала для любого человека. В другом же месте повести указывается: сказала она «по-старушечьи серьезно». Так, все лучшее женщин всех возрастов (детская чистота, девичья нежность, материнская забота и ласка, старушечий опыт и мудрость) соединилось и нашло воплощение в тоненькой, хрупкой девочке-девушке.

Объем видения Катенькой души поистине безграничный — ангельский, божественный. Сопереживая отвергнутому Грише, девушка бежит за поездом «так отчаянно, так быстро», что догоняет его: «не ехать же тебе такому несчастному». «Излечив» Гришеньку, она ищет других, нуждающихся в ее ласке и внимании. Одновременно Катенька думает и о своей бедной матери, которая «будет очень волноваться, и на улице будет меня ждать, и на вокзал пойдет. И плакать будет...».

Закономерно, что девушка оказывается в центре внимания солдат и офицеров: «На Катеньку все смотрели с любовью и нежностью, как смотрят на любимую сестру. Катенька все говорила и говорила...». И всем она приносит радость, облегчение, никого не оставляет без доброго слова. Лица говорящих с ней светлеют. Нет у девушки жалости только для себя самой.

И, наконец, еще одно состояние, характеризующее Катеньку,

это состояние гнева. Таких моментов немного: ссора с мальчишками («они жилили, терпеть не могу жил!»), неприятие Евгения Евгеньевича («ненавижу хвастунов!»), растерянность Евгения Евгеньевича и Дарочки при приближении жандармов («с удовольствием, со злым удовольствием, отметила, как поблдедели они оба и как потерянно поглядела на нее Дарочка»). Ее гнев направлен против человеческих пороков: лжи, гордыни, трусости... В истоках ее критически-негативных чувств и мыслей лежит, несомненно, та «положительная любовь», которая, по словам Ивана Ильина, «дает человеку право на критику», и только тогда «эта критика становится оправданной, творческой и созидательной. Критика без любви и без понимания есть критиканство и зависть» (Ильин И. О русской культуре. В кн.: И. Ильин. Собрание соч.: В 10-ти т. Т. 6. Кн. II. М., 1996. С. 374).

Завистливым «критиканом» предстает перед нами Евгений Евгеньевич, уводящий невесту у своего спасителя, опорочивший человека, которому обязан жизнью: «Ваш Гришенька — мешанин, махровый мешанин, что он даст такой замечательной девушке, как твоя сестра? что она с ним увидит, как проживет жизнь? Он погубит все ее таланты!». Гнев же Катеньки всегда справедлив, созидателен, праведен. В нем нет разрушительного начала, он никогда не влечет расплаты для согрешившего. Девочка полностью растворяется в порыве спасти Евгения Евгеньевича, которого, по ее признанию, ненавидит: «Что будет с ним? Боже мой!». И в этом порыве Катенька чудом не погибает. Героиня последовательна в стремлении спасать, помогать, не уклоняясь от своего предназначения ни на секунду. Все нуждающиеся для нее равны.

Итак, духовно-нравственным центром повести В. Михальского являются не идеологически окрашенные герои, что преобладало в произведениях многих современников писателя, а девочка-девушка, смыслом жизни которой была христианская любовь. Она, как и ее ранние предшественники, думаю, могла сказать: «Бог есть любовь». Естественно, добровольное, жертвенное служение людям, растворение своего «я» в чувстве, поступке, направленных на других, дают основание отнести «Катеньку» к соборному типу личности. То есть, формально не принадлежат к «деревенской прозе», Вацлав Михальский в 60-е годы XX века утверждает идеалы, созвучные ей, и продолжает традиции русской классики.

«Скрытая и открытая оппозиция “обыкновенный — необыкновенный”, не раз возникающая в повести, снимается традиционно для русской литературы: необыкновенный — то есть духовно значимый человек — есть личность, наделенная даром деятельной христианской любви. И таким даром наделены в первую очередь главные герои произведения», — справедливо пишет Юрий Павлов (Павлов Ю. «Незамеченный» классик // День литературы. 2013. № 7). «Обыкновенной» считает себя Катенька. О Грише Маркове говорится: «Он был обыкновенный участковый врач без титулов, без званий, но его знал весь город». И в этой «обыкновенности» — глубинный смысл. Наиболее показательны слова Катеньки о Дарочке: «Раньше она была обыкновенная, как вы, как я, а теперь?». «Обыкновенный» в повести Вацлава Михальского — значит духовно и нравственно чистый, светлый, искренний и бескорыстный, любящий жизнь и людей.

«Необыкновенный» — желающий выделиться, самоутвердиться через осознание своего превосходства над другими. «Необыкновен-

ные» в произведении Митяя, Евгений Евгеньевич. «Необыкновенной» становится Дарочка, вовлекаясь в революционную борьбу. Казалось бы, возвышенные цели («так жить, как мы живем, нельзя. Оглянись, оглянись, сколько горя, сколько вокруг горя!») трансформируются в высокопарные фразы и парадоксально оборачиваются коррозией души. «Я не могу, не хочу лгать, я не умею», — говорит Дарочка. В то же время она обманывает Григория, жестоко и цинично использует его. Взгляд ее становится надменным, суровым, отчужденным, «потемневшим». Из уст Катеньки звучит оценка Дарочки: «противная» и «хитрая». Между Дарочкой и семьей, Гришей, Катенькой образуется пропасть. Желая бороться с вселенским горем, Дарочка становится палачом для близких людей, унижает любящего ее Гришу, отталкивает и обижает Катеньку, которая относится «к ней со всей душой», оставляет ради Евгения и революционной борьбы свою мать с восьмью детьми на руках. Близкие же по малейшему ее зову бросаются в омут с головой, рискуют своими жизнями, ни на минуту не задумываясь о себе.

«Жизнь отвергает самолюбивых и гордых, и они сами себе служат наказанием», — пишет монах Симеон Афонский (Монах Симеон Афонский. Книга, написанная скорбью, или Восхождение к Небу. М., 2009). Так и в повести Вацлава Михальского Дарочка сама ломает свою судьбу, добровольно отказываясь от любимого и проживая жизнь с нелюбимым мужем. Только полностью погрузившись в заботу о детях (своих и чужих), Дарья Семеновна становится героиней созидательной, соединяющей, воплощающей православный идеал женщины-матери, женщины-хранительницы домашнего очага: «Так шестерых и воспитывала, стараясь всех любить равно. <...> Дети — это было ее государство, смысл жизни. И все шестеро выросли хорошими, добрыми, стоящими людьми». Став обыкновенной женщиной — настоящей женщиной, смысл жизни которой — семья, Дарочка перестала быть разрушительницей и принесла в мир любовь, тепло, добро, заботу. Именно в ее внучке словно возрождается Катенька, что символизирует в повести великое и таинственное воскресение, бессмертность святой жертвенной любви.

Образу Катеньки в произведении Вацлава Михальского созвучен образ главного героя Гриши Маркова. События повести разворачиваются в революционную эпоху отечественной истории. Однако Гриша Марков показан как личность практически внеисторическая. Он не рассуждает на общественно-политические темы. Истоком всех душевных порывов и трудов героя является любовь к ближнему. В смысле безгрешности, духовной чистоты он близок Катеньке — вечному ребенку.

Григорий Марков раскрывается через любовь к своей семье, к Дарочке и к ее семье, через отношение к своим пациентам... Гриша последователен в любви. Этим качеством он сразу выделяется из молодой компании, где «все были влюблены друг в друга. Влюблены, но любил только один...». Есть смысл привести и другие авторские характеристики уже Григория Васильевича Маркова, большая часть жизни которого прожита. Эти характеристики дают представление о нем, как о человеке долга, чести. У него высокие духовно-нравственные начала естественно реализуются в профессиональной, врачебной деятельности: «время не сделало его равнодушным к чужим страданиям. Помочь человеку преодолеть недуг — давно стало для

него смысла жизни»; «всякий обман был чужд его натуре»; «делать кое-как, создавать видимость труда он не умел и презирал это умение в других».

Молодость Григория изображена В. Михальским психологически тонко, ласково, чутко, с библейско-мудрой грустью: «Они стояли рядом, чистые и радостные, как весенняя капель». В изображении этих счастливых дней жизни Григория преобладают синий и золотой цвета (как символы молодости, чистоты, счастья, которое бывает бездумным и полным только в юности): «синее небо в первых крупных звездах», «аромат отпаровавшей земли с мягкими дорожками, протоптанными в синеватой грязи», «синяя студенческая форма» и Дарочкина коса, которая, распускаясь, «билась за спиной золотым покрывалом».

Еще один из ключевых образов-символов повести — это сирень. Чувствовать красоту окружающего мира (природы) у Михальского — дар небес, проявление поэтически тонкой природы Григория: «А когда расцветала сирень... Сирень! На их улице, да и во всем городке не было двора, где бы не росла сирень. Есть ли цветы душистее, свежее, радостнее, чем тяжелые от росы гроздыя сирени! Белая, сиреневая, фиолетовая, красная, русская, французская, простая, махровая — сирень, сирень, сирень! Как она цвела в годы его молодости! Весь двор и сад Гришиного дома затопляла весною расцветающая сирень. В городе больше ни у кого не было такой роскошной сирени, как у них». Сирень в романе больше, чем красивый цветок. Гриша испытывал «жгучее горе», когда узнавал, что ночью кто-то обломал в их саду куст сирени. Сирень ассоциируется с весной, а значит — с началом жизни. Сирень — символ молодости, первой любви, но и символ разлуки. Английская поговорка говорит, что тот, кто носит сирень, никогда не будет носить венчальное кольцо. На Востоке сирень — символ расставания. Все эти символические значения реализованы в судьбе героев повести.

Другой символ любви Дарочки и Гриши — качели. Они в повести символизируют детство — возрастной рубеж, который пересекают главные герои, мимолетность счастья Григория и Дарочки, душевные метания Дарочки. Влюбленные — органичная часть волшебного мира, где «подмигивают» звезды и «пахнет прелью, прибитой дождем хлебной пылью». И в этом мире отдать жизнь за любимую «легко, радостно и просто».

Однако после двухлетней разлуки героев и мир изменился, и они сами. Взросление героя, бесповоротное расставание с детством (как состоянием особой духовной чистоты, гармонии с миром и природой) передается через описание привокзальной площади, которая уже не кажется Грише необыкновенной, недостижимой: «Какая она, оказывается, маленькая, грязная, сколько на ней пьяных и безногих. Какие-то толстые, растрепанные женщины, сидя прямо на земле, бойко торгуют жареной рыбой...». Именно такой грузной, растрепанной, седой, жарящей лук, предстанет перед Григорием Дарочка после разлуки длиною в жизнь. Молодому герою не вообразить такой свою девушку («молодые не представляют себя старыми»). Не представить ему и перемены, уже произошедшей в его возлюбленной. «Как папа умер, она стала ужасной гордячкой, — говорит о Дарочке Катенька и уточняет: — А мама говорит, что гордыня — большое зло, что гордые всегда несчастные...».

Выше приведенная картина города, в котором даже дома «стали

меньше, будто бы их врыли в землю», символизирует и жизнь без любви, в которой человек безмерно одинок («пошел одиноко среди говорливой толпы»). Любящие же сердца видят другой город — город «соборный», в нем все связано невидимыми нитями, в нем все — части целого: «Стояли последние дни апреля, пасха в этом году выпала поздняя, к ее приходу готовились особенно тщательно. Земля давно отпаровала, разрывая землю острием своих стеблей, лезла зеленая тугая трава. В домах суетливо выставляли вторые рамы. Женщины мыли стекла, потом белили их мелом и, подождя, пока они высохнут, протирали бумагой. Стекла становились прозрачными, как воздух, и солнце яростно играло в них ослепляющим блеском. Казалось, весь город приступил к генеральной уборке...». Общему настроению поддались и Дарочка, усмирив на время свою гордыню, и словно стала прежней: «Всю ночь просидели они, обнявшись на скамейке у дома, у шелестящих кустов сирени, всю ночь они говорили о предстоящей свадьбе, слушали, как хозяйничает в уснувшем городе весна». В картинах свиданий влюбленных сила глубокого чувства вдыхает жизнь во все вокруг, и даже степь «дохнула на них польно».

Отношения молодых разворачиваются в контексте родовых, семейных отношений большой православной русской семьи начала XX века. И в семье Маловых, и в семье Марковых много детей. Образы матерей — «маленькой и худенькой» Марковой и Маловой, которая после всех потерь «превратилась от горя в маленькую согнутую старушку», — написаны с таким трепетом, с такой любовью, которую трудно передать словами. Возможно, поэтому им уделено так мало места в художественном пространстве повести. Главное в этих образах — безграничная любовь к детям. Атмосфера тепла, любви, заботы друг о друге, взаимопонимания царит в традиционном, патриархальном Доме, которым любитесь Михальский и который, думаю, является его идеалом «малой вселенной». В этой «вселенной» каждый герой чувствует себя частью единого организма: «Гриша был женихом ее старшей сестры — его любовь к Дарочке, по твердому убеждению Катеньки, должна была вмещать нежные чувства и к ним, младшим братьям и сестрам».

С первых страниц и до последних, повествующих о молодости героев, члены семьи не просто находятся рядом с Гришей и Дарочкой, но и идейно, душевно гармонируют с ними: «Дома, после шумных лобзаний, отец завел разговор о политике... Мать, заглядывая в глаза, допытывалась, почему Гриша так похудел, и потчевала на скорую руку собранным угощением. Брат Петька требовал, чтобы Гриша рассказывал ему о немцах. Пятилетняя сестренка Наташа качалась у него на ногах и, смеясь, кричала, чтобы он подбрасывал ее выше. Всем в доме он был необходим, и как только они жили без него?». Не менее тепло принимают героя и у Маловых: «Он перецеловал всех Дарочкиных сестер и братьев и уселся с ними играть в лото». Более того, отношения между семьями имеют глубинные, неразрывные духовно-родственные связи. Дарочка, например, крестная дочь Гришиного отца.

В художественном мире Михальского людьми, сопричастными всему происходящему с главными героями, являются и соседи. Наиболее показательны в этом плане сцена отъезда Гриши (семейная драма разворачивается на глазах соседей) и его возвращение, когда сразу пять человек, по словам Катеньки, сообщают Дарочке о приезде жениха, а мать и отец, предупрежденные «догадливыми маль-

чишками», встречают долгожданного сына на улице. Любопытные же соседи не отпускают только что прибывшего с фронта Гришу до самого вечера, донимая расспросами. И Гриша не прогоняет их, хотя все мысли его — с Дарочки. Так Михальский без идеологических штампов еще в середине 1960-х годов создает тот образ «России, которую мы потеряли».

Григорий Марков — обычный, типичный представитель этой России — ровесник и коллега Алексея Турбина, Юрия Живаго. В отличие от ищущих, мечущихся героев М. Булгакова, Б. Пастернака, находящихся на духовно-нравственном, идейном распутье, Марков статичен, неизменен. Вторжение политики в его жизнь и в жизнь вышеназванных героев оказалось «вихрем враждебным» (как пели в молодой компании, оглядываясь, «с особенным чувством»), роковым, отнявшим любимую женщину. Первая мировая война принесла разлуку Григорию с родными и Дарочкой на два года, «дух» революции развел его с единственно любимой на всю жизнь.

Как мы знаем, любая революционная идея — атеистическая, богоборческая по своей сути. О религиозных взглядах Григория в повести сказано очень скупо. Со слов Катеньки мы знаем, что в Бога он не верует. Правда, в самые горячие минуты любви в Григории берут верх не физическое влечение, а духовно-нравственные чувства, христианские по своей сути, и в его голове единственный раз в повести возникает мысль о Боге. Григорий не смог поцеловать свою возлюбленную, объясняя это так: «Пока она не будет моей официальной невестой перед Богом и перед людьми, я не прикоснусь к ней пальцем». Эти чувства, мысли героя, как и все его поведение, позволяют говорить о нем как о личности, интуитивно руководившейся на протяжении всей жизни заветами Христа.

Думаю, не противоречит сказанному эпизод из его «революционной молодости». О нем в повести сказано, что на сторону красных главный герой перешел «с первых дней революции»: «Просто иначе он не мог, это вышло как-то само собой, потому что это была та суть, благодаря которой его жизнь приобрела смысл». (Уточню: приобрела смысл после того, как герой лишился Дарочки). Вот и все, что мы знаем об убеждениях героя.

Это оригинальное, нетрадиционное решение проблемы человек и революция, не характерное для романов, в которых описываются события начала XX века: «Тихий Дон» М. Шолохова, «Белая гвардия» М. Булгакова, «От Двуглавого Орла к красному знамени» П. Краснова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака... Парадоксально: в произведении, где события происходят в предреволюционные и революционные годы, тема революции, оценка исторических событий отсутствует совсем. Разве что она дается косвенно, через образы Дмитрия Малова, возглавлявшего большевистскую подпольную организацию, и Евгения Евгеньевича.

Эти герои характеризуются Михальским через вполне определенные речи и манеру поведения. Так, Митя резок в суждениях, что «коробило деликатного Гришу»: «Манера разговаривать с людьми была у Мити какая-то обидная — он всегда высмеивал своего собеседника». Грех гордыни поражает душу Мити и его сестры Дарочки, что верно подмечает Катенька-подросток. Другой своей стороной этот грех проявляется через действия героя. После смерти кормильца в семье Маловых опорой матери десяти детей становится не старший

мужчина Митя, а Дарочка. Более того, пряча у себя в доме «политического», он ставит под удар всех близких. Члены семьи Маловых ни на минуту не задумываются об угрожающей опасности, все они готовы разделить судьбу горячего любимого ими брата и сына, не принимая его идей. Митя этим эгоистично пользуется, увлекая своими идеями Дарочку, лишая опоры семью, практически отдаст ее женатому мужчине. Другая сестра Катенька едва не погибает, спасая «героя» Евгения Евгеньевича. Митя обманывает Григория, расчетливо использует его чувство к Дарочке, не задумываясь о том, что разрушает жизни молодых, и после всего цинично называет его «братом».

Итак, революционные идеи и события, по Михальскому, по-разному деформируют духовно-нравственный мир отдельного человека и семьи в целом, по сути, уничтожают ее. И в этом В. Михальский в очередной раз противоречит канонам социалистического реализма, и в этом он созвучен творчеству таких разных писателей, как Иван Шмелев, Михаил Шолохов, Петр Краснов, Владимир Максимов, Василий Белов, Леонид Бородин.

Другой революционер Евгений Евгеньевич, которого Митя и Дарочка считают героем, вызывает у человека с традиционной системой ценностей только презрение и отвращение: «Кичливый и трусоватый позер, столкнувшись с первыми же реальными трудностями, почувствовав всю суровость и ответственность революционной борьбы, он отошел от нее, прикрываясь громкими фразами о том, что он, отец детей, не может рисковать своей жизнью, потому что эта самая жизнь принадлежит теперь не ему, а его детям». Но именно в этой «неполитической» сфере жизни бывший «революционер» терпит главное свое поражение, выявляющее всю его человеческую никчемность и пустоту.

В художественном мире Михальского самым страшным наказанием для человека оказывается нелюбовь, равная смерти. Именно нелюбовью наказывает писатель лживого и циничного труса Евгения: жена его не только не любит, но и ненавидит; не любит его и ни один из шестерых детей, презирает деда внушка Катенька — «единственный человек во всей жизни Евгения Евгеньевича, которого он любил искренне».

Таким образом, видимо, есть основания предполагать, что революционерам Михальский, по меньшей мере, не симпатизирует. Но выбор главного героя делает ответ на этот вопрос неочевидным. В 1965 году двадцатидевятилетний писатель, выбирая между, условно говоря, революционно-политической и любовной доминантами личности, не только отдает предпочтение второй, но и ею, по сути, перечеркивает первую.

По моим наблюдениям, повесть «Катенька» — самое любимое произведение Михальского среди студентов, что вполне естественно. Удивительно другое. Эта повесть (как и все творчество Вацлава Михальского) не замечается критиками, литературоведами почти 50 лет. Помимо уже названных мною причин, главная лежит в иной плоскости. Сергей Булгаков еще в 1904 году, рассуждая о судьбе А. П. Чехова (любимого писателя В. Михальского), высказал мысль, которая в полной мере применима к судьбе самого Михальского: «Везде тяжело одиночество, в России же, в силу своеобразных условий русской жизни, стоять вне направлений есть настоящий подвиг нравственного мужества...» ■